ЕЩЕ РАЗ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОНОМАСТИКЕ КЛАССИЧЕСКИХ АФИН: «ЕСТЕСТВЕННЫЕ» И «ИСКУССТВЕННЫЕ» ОНОМАСТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ

С.Г. Карпюк
(Москва)

В недавней статье в «Вестнике древней истории»[1] мною была предпринята попытка показать на примере собственных имен с корнем *dem-* вероятное воздействие демократической идеологии на имянаречение в Афинах в V–IV вв. до н. э. При этом были рассмотрены в первую очередь «естественные» (конечные) ономастические комплексы—перечни имен во всех однотипных сохранившихся надписях (списках погибших воинов, перечнях булевтов, пританов, судей и т. п.) определенного периода. Какие перечни подпадают (в моем, понимании) под определение «естественного» ономастического комплекса? Прежде всего—это, конечно же, обширные отдельные надписи либо фрагменты надписей. К ним можно отнести, к примеру, перечень моряков, относящийся к началу IV в. до н. э. (IG II^2 1951), в котором сохранилось 280 имен (без патронимов), либо список наемных воинов из Эрехтейона в Афинах (204 строки), датируемый приблизительно 300 г. до н. э. (IG II^2 1956—в нем читается 145 имен). В подобных надписях содержится достаточное для проведения статистического анализа количество собственных имен (десятки, иногда—сотни имен).

Впрочем, столь обширные надписи—явление редкое, особенно для архаического и классического периодов истории древней Греции. К «естественным» ономастическим комплексам можно отнести также *все* однотипные сохранившиеся надписи определенного периода: на-

---

[1] Карпюк С.Г. Политическая ономастика классических Афин в надписях V–IV вв. до н. э. // ВДИ. 2003. № 3. С. 4–35. Настоящая статья написана при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований—проект 03–06–80066 «Формирование и воспроизводство демократических элит (пример древней Греции)» и в значительной степени инициирована дискуссией и замечаниями коллег на весенней школе, организованной историческим факультетом Уральского государственного университета (Екатеринбург) в апреле 2003 г.

пример, собранные еще в середине прошлого века Энтони Раубичеком посвятительные надписи с афинского Акрополя[2], списки погибших афинских воинов[3], перечни судей, членов Совета пятисот и т. п.[4]. В подобных случаях выборку проводит не исследователь, а время, а цель публикатора—восстановление, датировка и распределение всех дошедших до нас надписей по разделам, но никак не субъективная их выборка.

Однако наряду с этими «естественными» комплексами можно также обратиться к спискам лиц определенного социального положения либо уровня политической активности, которые составлены современными учеными. Я рискну назвать их «искусственными» комплексами, поскольку они созданы исследователями на основании всевозможных источников. К их достоинствам следует отнести использование как надписей, так и литературных текстов, а недостатком—возможность некоторого субъективизма при их составлении.

Наиболее известный пример «искусственных» перечней—восстановленные исследователями списки афинских архонтов-эпонимов.

Конечно, сохранились и «естественные» («аутентичные»), при этом достаточно отрывочные, фрагменты списка архонтов VI—начала V в. до н. э. с афинской агоры, высеченные ок. 425 г. до н. э. (Meiggs–Lewis 6), а также фрагменты надписей с именами архонтов IV в. до н. э. и позднее, включающие и «второстепенных» архонтов. Однако большинство имен архонтов-эпонимов было восстановлено по отрывочным эпиграфическим и литературным источникам.

Известный английский историк Дж. К. Дейвис в приложении к своему труду «Афинские состоятельные семьи 600–300 гг. до н. э.»[5] дает списки по демам известных нам представителей верхнего класса афинского гражданства (исполнителей литургий, триерархов и вообще

---

[2] Raubitschek A.E. (with the collaboration of L.H. Jeffery). Dedications from the Athenian Acropolis. A Catalogue of the Inscriptions of the Fifth and Sixth Centuries B.C. Cambridge, Mass., 1949.

[3] Наиболее полное издание списков погибших афинских граждан V в. до н. э. содержит третье издание первого тома «Греческих надписей» под редакцией Д. Льюиса (IG I^3)—Inscriptiones Atticae Euclidis anno anteriores. Ed. D. Lewis. Fasc. 1–3. B., 1981–1998. Надгробные надписи содержатся во втором выпуске, изданном под общей редакцией Дэвида Льюиса и Лилиан Джеффери в 1994 г., причем издание именно общественных надгробных надписей осуществил Доналд Брэдин на основе изданных им же надгробных надписей с афинской агоры—Bradeen D.W. Inscriptions. The Funerary Monuments. Princeton, 1974 (The Athenian Agora. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies. V. XVII).

[4] Подробнее см.: Карпюк. Политическая ономастика…

[5] Davies J.K. Athenian Propertied Families, 600–300 B.C. Oxford, 1971. P. XXVII, XXIX, 602–624.

богатых людей), причем исследователем проведена классификация этих лиц по поколениям. С 600 по 300 г. до н. э. Дейвис выделяет девять условных поколений («conventional generations») состоятельных афинян (по три на век)[6].

Перечни афинских политиков IV в. до н. э., составленные датским исследователем Могенсом Хансеном в 70–80-е годы XX в.[7], послужили основой для его дальнейших исследований[8]. Датский историк рассмотрел все известные случаи возбуждения процедуры эйсангелии в классических Афинах; причем в его труде приводятся имена и обвиняемых (144 имени), и истцов (их имена сохранились в меньшем количестве)[9]. Могенс Хансен также выделяет 20 афинских политических деятелей 403–322 гг. до н. э., которые в каком-либо тексте назывались «ораторами» (*rhetores*)[10]. Несколько позже им был составлен список выступавших в народном собрании афинян за период 355–322 гг. до н. э. (20 имен и 10 патронимов), которые, однако, так и не внесли своего предложения[11]. Очевидно, что это были политически активные представители демоса.

Возможно, выборка из 20 имен могла показаться исследователю недостаточно репрезентативной, и поэтому он обратился к более обширным перечням. В другом «искусственном» перечне, составленном Хансеном, фигурируют уже имена 82 афинских граждан, которые внесли проекты 181 постановления народного собрания за период 355–322 гг. до н. э.[12]. Еще более обширен перечень всех афинских *ῥήτορες καὶ στρατηγοὶ* за период с 403 по 322 г. до н. э., который датский исследователь приводит, опираясь как на литературные, так и на эпиграфические источники[13]. Список содержит имена 368 афинских граждан, которые вносили предложение постановления или закона как в народ-

---

[6] Davies J.K. Op. cit. P. XXVII.

[7] Этот материал частично был использован в моей книге «Общество, политика и идеология классических Афин» (М., 2003. С. 247–249), однако в краткой и «неразвернутой» форме.

[8] См.: Hansen M.H. The Athenian Assembly: In the Age of Demosthenes. Oxf., 1987; idem. The Athenian Democracy in the Age of Demosthenes: Structure, Principles, and Ideology. Oxford, Cambridge, Mass., 1991 и др.

[9] Idem. Eisangelia. The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Impeachment of Generals and Politicians. Odense, 1975 (Odense University Classical Studies. Vol. 6). P. 69–120, 133.

[10] Idem. The Athenian 'Politicians', 403–322 B.C.// GRBS. 1983. Vol. 24/1. P. 47 sq.

[11] Idem. The Number of *Rhetores* in the Athenian *Ecclesia*, 355–322 B.C.// GRBS. 1984. Vol. 25/2. P. 145 sq.

[12] Ibid. P. 132–134.

[13] Idem. *Rhetores* and *Strategoi* in Fourth-Century Athens // GRBS. 1983. Vol. 24/2. P. 158–180.

ном собрании, так и в Совете пятисот, исполняли обязанности посланников, были избраны стратегами либо казначеями и т. п. К именам этих политически активных граждан добавляются имена еще 11 граждан, которые наши источники называют *politeuomenoi* либо *symboloi*, но которые не исполняли перечисленные выше обязанности и не вносили законопроекты[14]. Менее впечатляющи по количеству имен, но все-таки достаточно значительны, списки сторон, участвовавших в процессах по поводу «графэ параномон». Хансен исследовал все 39 известных случаев применения «графэ параномон» за период с 415 по 322 г. до н. э.[15]. Известно 27 имен истцов и 29 имен ответчиков[16].

Перечень афинян, подвергнутых остракизму, кандидатов на изгнание, и их отцов, составленный Шт. Бренне и содержащий всего 272 имени, можно отнести к «искусственным» перечням, поскольку наряду с эпиграфическими автор использует и литературные источники[17]. Следует, впрочем, отметить, что это—полный список жертв остракизма, известных на сегодняшний день.

Итак, в нашем распоряжении два типа перечней—«естественные» и «искусственные». Что касается первого типа, то использование таких надписей для исследований в области исторической ономастики (и во всех прочих исторических и смежных с историей областях) кажется очевидным; что же касается второго типа, то тут необходима проверка на достоверность отбора, некий proof test. Подобным тестом может быть, по моему мнению, выявление доли имен с корнем *dem-*, которые, как было показано в предыдущих исследованиях, распределяется по социальным слоям афинского населения с определенной закономерностью[18]. Поэтому целесообразным представляется сравнение «искусственных» и «естественных» комплексов определенного периода.

Начнем со списка архонтов. Следует отметить, что в нашем распоряжении находятся вполне «аутентичные», хотя и отрывочные фрагменты списка архонтов VI–начала V в. до н. э. с афинской агоры, высеченные ок. 425 г. до н. э. (Meiggs–Lewis. № 6). Из 12 восстанавливаемых имен в списке содержится по одному с корнями *arist-* и *hipp-*, 2 с корнем *kall-* (третья часть имен имеет отчетливую «аристократическую»

---

[14] Hansen M.H. *Rhetores* and *Strategoi*... P. 179.

[15] Idem. The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and The Public Action against Unconstitutional Proposals. Odense, 1974 (Odense University Classical Studies. Vol. 4). P. 28–43. Indices: P. 76 sq.

[16] Следует отметить, что имена некоторых истцов и ответчиков повторяются в нескольких случаях.

[17] Brenne S. Ostrakismos und Prominenz in Athen. Attische Bьrger des 5. Jhs. v. Chr. auf den Ostraka. Wien, 2001 (Tyche. Supplementband 3).

[18] Карпюк С.Г. Политическая ономастика; он же. Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003.

окраску!). Имен с корнем *dem-* в списке нет. Из 11 известных архонтов начала V в. до н. э. 3 имели имя с корнем *hipp-*, 1 с корнем *arist-* (36% «аристократических» имен)[19]. Здесь имена с корнем *dem-* отсутствуют. «Аристократизм» ранних афинских архонтов легко объясним: они избирались, и избирались из аристократической среды. Однако восстановленный исследователями перечень афинских архонтов-эпонимов V в. до н. э. дает другую пропорцию имен с корнем *dem-* и их соотношения с традиционными «аристократическими» именами. Из 84 известных нам афинских архонтов-эпонимов в период с 487 по 403 г. до н. э. 4 имели имена с корнем *dem* (Никодем, 483 г., Демотион, 470 г., Архедемид, 464 г., Евтидем, 431 г. до н. э.), 2—с корнем *arist-*, 2—с корнем *hipp-* и 4—с корнем *kall* (всего 8, т. е. меньше 1/10 «аристократических» имен)[20]. Доля традиционных «аристократических» имен среди архонтов резко сократилась, а имена с корнем *dem-* составляли уже 4,2 % от общего количества. Говорит ли это о некоей «нерепрезентативности» восстановленного исследователями списка архонтов? Конечно же, нет, поскольку социальный состав афинских архонтов резко меняется, начиная с архонтства Телесина (487/486 г. до н. э.), когда архонты стали избираться жеребьевкой по филам из предварительно намеченных демами пятисот кандидатов (Aristot. *Ath. pol*. 22.5).

Отличается ли доля имен с корнями *dem-* и *arist-* в «искусственных» списках архонтов от таковой во всем гражданском коллективе Афин? Нет, не отличается принципиально: в общественных надгробных надписях афинских граждан V в. до н. э., которые дают достаточно репрезентативную выборку, доля имен с корнем *dem-* составляет 4,5 %; доля имен с корнем *arist-* в подобных надписях составляет 3,3 %[21]. Таким образом, расхождение незначительное, что косвенно свидетельствует об аутентичности и репрезентативности восстановленного современными исследователями «искусственного» списка архонтов.

Рассмотрим классификацию Дж. К. Дейвиса. Состоятельные афиняне V в. до н. э. дают долю в 4,46 % имен с корнем *dem-*, что практически соответствует общей доле подобных имен в гражданском коллективе. Когда Дейвис выделяет более узкую социальную группу (например, афинские триерархи 357–340 гг. до н. э.), то результат, на первый взгляд, весьма далек от среднестатистического по всему гражданскому коллективу и составляет 9,4 % имен с корнем *dem-*[22]. Однако следует учесть очевидную тенденцию возрастания доли имен с корнем *dem-* именно в этот период среди политически активных афинян, к которым

---

[19] Meiggs–Lewis. P. 291.

[20] Ibid.

[21] Карпюк. Общество, политика... С. 271. Табл. 17.

[22] Davies. Op. cit. P. XXVII–XXIX, 602–624.

[23] См. Карпюк. Политическая ономастика... С. 31.

относились и триерархи[23]. Списки афинских булевтов, пританов и третейских судей IV в. до н. э. дают 6,3 % имен с корнем *dem-*, а тессеры с именами афинских судей этого же периода—8,2 %[24]. Так что результат, полученный при подсчете имен в «искусственных» перечнях Дейвиса, не кажется уже столь «выдающимся», хотя, очевидно, отражает превалирование в наших источниках (особенно в литературных) состоятельных и политически активных афинских граждан.

Перечни, составленные Могенсом Хансеном, представляют более сложную проблему. Прежде всего следует осторожно отнестись как к источнику по ономастике к слишком кратким перечням из 20 имен афинских политических деятелей 403–322 гг. до н. э., которых какой-либо текст называл «ораторами», и из 20 имен выступавших в экклесии афинян за период между 355 и 322 гг. до н. э. Впрочем, очень высокий процент имен с корнем *dem-* (10 % для имен и даже 20 % для патронимов) в списке выступавших в народном собрании ораторов в 355–322 гг. до н. э. неплохо корреспондирует с высокой долей имен с корнем *dem-* среди афинских триерархов того же периода; а ведь и триерархи, и ораторы явно принадлежали к социально-политической элите позднеклассических Афин.

Исследователь также отобрал имена 82 афинских граждан (известны также 59 патронимов), которые внесли проекты 181 постановления народного собрания за период 355–322 гг. до н. э. Это составляет чуть менее 1,5 % всех постановлений за этот период[25], причем у нас нет каких-либо оснований сомневаться в репрезентативности этой выборки политически активных граждан позднеклассических Афин. В данном перечне не только очень высокая доля имен с корнем *dem-* (13,4 %, или 12,8 %, если учитывать и патронимы), но также и очень высокий процент имен «аристократического типа» (с корнями на *arist-*, *hipp-*, *kall-*), каковых здесь 18,3 %, или 14,2 %, если учитывать патронимы[26].

Еще более обширный перечень, составленный датским исследователем, содержит имена 368 афинских граждан, которые проявляли политическую активность в период между 403 и 322 гг. до н. э.: вносили законодательные предложения в народном собрании и в Совете пятисот, исполняли обязанности послов, были избраны стратегами либо казначеями и т. п.[27]. Имена с корнем *dem-* составляют 6,8 %, а имена «аристократического типа» (с корнями *arist-*, *hipp-*, *kall-*) составляют 12,8 % от всего количества имен[28]. В данном случае результаты оказались более близкими к средним значения по IV в. до н. э. (например, по

---

[24] Карпюк. Общество, политика и идеология... С. 272. Табл. 17.

[25] Hansen. The Number of *Rhetores* in the Athenian *Ecclesia*... P. 132–134.

[26] Карпюк. Общество, политика и идеология... С. 248. Табл. 13.

[27] Hansen. *Rhetores* and *Strategoi* in Fourth-Century Athens. P. 158–180.

[28] Карпюк. Общество, политика... Табл. 14.

архонтам-эпонимам 402–323 гг. до н. э. имена с корнем *dem-* составляют 6,25 % от общего числа)[29]. Очевидно, привлечение большего числа имен способствует большей «усредненности» результата.

Перечень афинян, подвергнутых остракизму, кандидатов на изгнание, и их отцов, составленный Шт. Бренне, более или менее ономастически однороден как в «эпиграфической», так и в «литературной» своей части[30]. Что касается очень малой доли имен с корнем *dem-* (0,7 %), то она объясняется принадлежностью большинства жертв остракизма к «старой» аристократии.

Итак, в целом «искусственные» (т. е. составленные современными исследователями) перечни имен с точки зрения исторической ономастики мало отличаются от «естественных (аутентичных)». Однако если мы сравним эти перечни с «естественными» списками того же времени, то обнаруживается, что пропорция имен с корнем *dem-* в «искусственных» перечнях выше, чем в «естественных». Чем это можно объяснить? Прежде всего имеет значение полнота охвата сохранившихся имен, а также величина всего ономастического массива—чем большим числом собственных имен оперирует исследователь, тем меньше вероятность субъективизма. При этом следует учесть, что различные «искусственные» перечни не всегда можно сводить вместе, поскольку имена в них часто повторяются. Кроме того, «искусственные» перечни в еще большей степени, чем «естественные», могут служить подтверждением социально-политических либо культурных тенденций в обществе: так, распространение имен с корнем *dem-* подтверждает тенденцию «политического» имянаречения среди представителей политической элиты Афин IV в. до н. э.

Кроме того, создается впечатление, что для афинской политической элиты середины IV в. до н. э. не было противопоставления «демократических» и «аристократических» имен, причем само стремление той или иной семьи к политической карьере предполагало «политически значимое» имянаречение. Однако «искусственные» перечни требуют проверки на полноту охвата, а также сопоставления с современными им «естественными» ономастическими комплексами.

ONCE MORE ABOUT HISTORICAL ONOMASTICS OF CLASSICAL ATHENS: «NATURAL» AND «ARTIFICIAL» LISTS OF NAMES

S. G. Karpyuk

In the article the author tries to demonstrate advantages and disadvantages of «artificial» lists of names of the Athenian citizens compiled by modern students of classical Athens in comparison with «natural» name lists from inscriptions.

---

[29] Карпюк. Общество, политика... Табл. 17.
[30] Brenne. Op. cit.